

Пообедав, они принялись за дело — нужно было соорудить кровать. Тан Буфань достал рулетку и измерил диванчик в обеденной зоне: ширина оказалась ровно полтора метра. Он попросил Лу И отпилить доски точно такого же размера, чтобы всё выглядело аккуратно и ложилось стык в стык.

Дождавшись, пока учитель разметит дерево карандашом, юноша взял электропилу и принялся кроить доски. Буфань помогал как мог: придерживал брусья, чтобы те не гуляли под лезвием, а готовые детали бережно прислонял к борту автодома.

Благодаря обретенной силе он теперь без труда управлялся с тяжёлыми плахами в одиночку.

Ни тот, ни другой никогда не занимались плотницким делом, но кровать — мебель простая. Прикидывая так и эдак, советуясь на каждом шагу, они довольно быстро собрали каркас. Сам процесс увлёк их чрезвычайно: оба впервые по-настоящему прочувствовали, какое это удовольствие — создавать что-то своими руками.

Когда основа была готова, Буфань взялся за молоток и принялся приколачивать настил, а Лу И вернулся к пиле — вырезать заготовки для настенных полок.

На руинах опустевшего Пекина царила глубокая, мёртвая тишина, нарушаемая лишь весёлым стуком их инструментов. Часам к двум пополудни небо вновь затянуло, и повалили густые хлопья. Но работа не прерывалась ни на минуту. Вокруг не было ни души — ни людей, ни зверей. В этом бескрайнем заснеженном пространстве казалось, будто во всей вселенной они остались совершенно одни.

Лу И наслаждался этим уединением. Время от времени он отрывался от дела и поглядывал на сосредоточенного Тан Буфаня. В груди разливалось тёплое, щемящее чувство абсолютной полноты. Когда-то, в прошлой сытой жизни, у него было всё, о чём можно мечтать, но внутри зияла пустота. Теперь же, сделавшись бездомным бродягой, он лишился всех благ — и всё равно чувствовал себя невероятно счастливым.

Всё потому, что рядом был этот человек, заполнивший собой каждую брешь в его душе.

— Учитель, — негромко позвал юноша.

— М-м? — Тан Буфань, сидевший на коленях на недостроенном ложе, поднял голову.

Его плечи и волосы успело припорошить белым пухом. Длинные тёмные пряди живописным каскадом рассыпались по спине, контрастируя с алебастровой, чистой кожей, а губы на морозе казались ярко-алыми, почти неестественно сочными. Позади него высились унылые, серые остовы мёртвого мегаполиса, но в глубине его глаз, казалось, мерцали далёкие созвездия.

Глядя на него, Лу И тихо, но со всей искренностью произнёс:

— Я бы всю жизнь так с тобой провёл.

Буфань на секунду замер от неожиданности, а затем мягко усмехнулся:

— И не надоест тебе такая глушь? Не боишься тягот?

Тан Буфань не имел детального представления о том, как Лу И жил прежде. Но для самого Буфаня, человека благополучного двадцать первого века, апокалипсис оставался суровым испытанием. Здесь каждый кусок хлеба приходилось добывать с боем, а элементарная возможность умыться или принять горячую ванну давно превратилась в непозволительную роскошь.

— Для меня эта жизнь полна смысла, — Лу И улыбнулся, и его взгляд потеплел. — Пока мы вместе, мне больше ничего не нужно.

«Глупый...»

Тан Буфань едва заметно покачал головой и потянулся к коробке за новым гвоздём. На душе было странно и смутно. Он подумал, что в девятнадцать лет все юноши неизлечимо романтичны.

Учитель не впервые называл его так, и Лу И всякий раз терялся, пытаясь разгадать, какой именно смысл учитель вкладывает в это ласковое «глупый».

Посмотрев на Буфаня, который вновь принялся мерно стучать молотком, юноша опустил ресницы и молча вернулся к своей пиле.

До темноты они успели закончить сборку. Братец Кай приоткрыл заднюю грузовую аппарель, и Лу И, стараясь не задеть кухонную утварь, бережно занёс тяжёлую конструкцию в салон. Её установили вплотную к стене, прямо за угловым диванчиком.

Кровать встала идеально. В трёхметровом по ширине кузове она заняла ровно половину пространства, оставив вторую под проход. Чтобы сделать его просторнее, Буфань попросил Лу И демонтировать старый складной столик со стульями, некогда прикреплённые к противоположной стене.

Сумерки быстро сгустились, и в автодоме зажглось жёлтое электричество. В уютном полумраке они вдвоём принялись вешать полки. Стены машины, переделанной из тяжёлого армейского бронетранспортёра, отличались завидной толщиной и прочностью, так что деревянные рейки садились намертво.

Планировка преобразилась до неузнаваемости. Теперь внутреннее пространство делилось на чёткие зоны: в передней части располагались шкафы и системы хранения, за ними шло

просторное спальное место, следом — обеденный уголок с диванчиком, а в самом хвосте ютились мини-кухня, санузел и хозяйственный отсек.

Оглядывая обновлённый интерьер, Тан Буфань невольно поддался ностальгии. Дядя Волк и Эберрон ушли, прежний он сам тоже остался в прошлом, и даже их автодом теперь выглядел совершенно иначе.

— А у нас руки-то из нужного места растут, — Буфань мягко толкнул Лу И плечом в плечо, улыбаясь.

— Нужно покрыть всё воском и маслом, — отозвался Лу И. Он тоже был доволен результатом: благодаря обилию натурального дерева в салоне воцарился тёплый, почти дачный уют.

Специальный состав защищал древесину от сырости и грязи, придавая ей благородный матовый блеск. Согласившись, Буфань направился к выходу.

— Тогда я займусь ужином, — решил он.

Во дворе валялась куча древесных обрезков, так что развести костёр не составило труда. Буфань нанизал куски волчьего мяса на шампуры и уложил их над углями. Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Подняв голову, он заметил в сумерках бродячего пса, застывшего в отдалении — зверя явно привлёк аппетитный аромат жаркого.

Какое-то время человек и зверь неподвижно мерили друг друга глазами. Пёс выглядел больным и ободраным, от него вполне можно было ожидать агрессии, поэтому Буфань медленно, не делая резких движений, отступил к дверям автодома. Лу И, мгновенно оценив обстановку, вышел наружу и перехватил работу.

— Учитель, иди в салон, покрой дерево маслом. А ужином займусь я, — сказал Лу И.

Поскольку они весь день провели на воздухе, Братец Кай не включал отопление в жилом отсеке. Парень изначально надеялся, что у костра Буфань сможет согреться, но ночные пустоши оставались слишком опасным местом.

Вернувшись под крышу, Тан Буфань взял банку с защитным маслом и продолжил обрабатывать полки. Мерно водя кистью, он размышлял о том, что нужно обязательно пересчитать оставшиеся патроны. Пока он не обрёл настоящую силу, оружие оставалось его единственным надёжным щитом.

Стоило Лу И показаться снаружи, как приبلудный пёс тут же ретировался. Буфань в это время старательно покрывал дерево защитным составом. Вскоре салон заполнил резковатый химический запах. Стало ясно, что сохнуть масло будет как минимум день или два, а значит, опробовать новое ложе сегодня не удастся.

— Может, заночуем в другом месте? — предложил Буфань, когда мясо наконец приготовилось и они с Лу И уселись у огня. — А в автодоме откроем окна, пусть выветривается.

Лу И задумался, всматриваясь в темнеющий неподалёку остов огромного мебельного центра.

— Пойдём туда? Заодно присмотрим что-нибудь полезное.

Буфань давно хотел раздобыть нормальную посуду взамен той, что безжалостно выбросил Андерсон, поэтому с готовностью согласился:

— Хорошо. Поедим и двинемся.

— Сяо Тан, поищите там запасные лампы, — неожиданно раздался из динамиков голос Братца Кая. — Наше освещение уже еле дышит, пора бы его обновить.

Оба сидевших у костра невольно обернулись к машине. Свет из окон действительно лился тусклый, умирающий. Они мысленно зафиксировали эту задачу.

Покончив с ужином, Буфань вытащил из костра длинную прогоревшую ветку, соорудив импровизированный факел. Лу И прихватил из салона охапку шкур, и они направились к тёмному зеву заброшенного торгового комплекса.

Братец Кай медленно вёл автодом следом, подстраховывая их до тех пор, пока массивные колёса не упёрлись в завалы у входа.

Поднявшись по замершему эскалатору на второй уровень, они набрали на угловой павильон, где пыли было заметно меньше, чем в остальных местах. Судя по вывеске, здесь когда-то располагалась студия дизайна интерьеров. Панорамная стеклянная стена выходила прямо на фасад здания, позволяя без труда видеть стоящую внизу бронемашину под управлением Братца Кая. Решив, что лучшего места для ночлега не найти, Лу И расстелил шкуры прямо на полу.

Оставив вещи, они отправились бродить по тёмным галереям молла. Вскоре им попался крупный магазин светотехники. Стеллажи внутри сияли пустотой — очевидно, другие выжившие уже успели поживиться здесь лампами и проводами.

Впрочем, кое-какой выбор ещё оставался, и спутники увлечённо принялись перебирать уцелевшие коробки. Родной потолочный светильник в автодоме представлял собой безликую люминесцентную лампу, однако Лу И заверил, что без проблем переделает проводку и выведет новые точки освещения куда угодно.

— Тогда давай повесим новый светильник прямо над столом, — предложил Буфань. — Теперь обеденная зона оказалась аккурат посередине жилого отсека. Будет удобно и ужинать, и обсуждать наши планы.

— Для столовой... — Лу И посветил фонариком на запylённые полки и указал на изящную люстру под старину. — Как тебе эта? По-моему, отлично впишется в наш новый стиль.

— Подвесная? — Буфань скептически покачал головой. Всё-таки в душе юноша оставался неисправимым романтиком. — На первом же крутом повороте она начнёт раскачиваться, как маятник.

— И правда, не подумал, — смутился Лу И.

— Тебе бы только красоту наводить, а о практичности забываешь, — беззлобно поддразнил его учитель и указал на лаконичный потолочный плафон в квадратной раме из светлого дерева. — Вот этот плоский вариант подойдёт идеально. И по стилю совпадает, и мешать не будет.

— Согласен, — Лу И бережно снял коробку с полки.

Попутно они прихватили пару удобных складных стульев и коробку с изящным керамическим сервизом — безделушки, которые в эпоху постапокалипсиса мало кого интересовали.

На этом Буфань решил остановиться. Перегружать машину хламом не стоило: лишний вес неизбежно увеличивал расход дефицитного топлива.

Вернувшись в дизайн-студию, они аккуратно сложили добычу в углу, устроились на мягких шкурах у панорамного окна и приготовились ко сну.

За всё время скитаний Буфань почти никогда не ночевал вне стен надёжного броневика. Офис студии казался огромным и гулким, так что сон здесь мало отличался от ночёвки прямо посреди открытого зала.

Даже запертая дверь не могла полностью прогнать сосущее чувство незащитности в таком пустом пространстве. К счастью, Лу И сразу же уложил его у стены, со стороны надёжного тыла, и крепко обнял, делясь своим теплом. В этих объятиях тревога быстро отступила.

Устроившись на боку, они смотрели сквозь стекло на погружённый во тьму город. В неверном свете угадывались лишь колоссальные изломанные силуэты небоскрёбов некогда великого Пекина. С неба беззвучно сыпал густой снег, укутывая руины белым саваном.

В этой величественной картине гибели было что-то завораживающее. Среди мёртвых руин некогда великого мегаполиса оба вдруг ощутили странное, почти мистическое умиротворение.

Внезапно одна из дальних высоток содрогнулась. Огромный чёрный силуэт беззвучно накренился и начал оседать вниз. Лишь секунду спустя до них докатился приглушённый, утробный грохот рушащихся бетонных перекрытий. Тан Буфань, уткнувшись лицом в грудь Лу И, невольно вздрогнул и тихо выдохнул.

— Смотри, рухнула...

— Да, обвалилась, — тихо отозвался Лу И, поглаживая его по плечу.

— Такая высокая была. Наверное, какой-то офисный центр.

— Удивительно, что эти конструкции вообще простояли столько веков.

— Интересно, сколько людей когда-то спешило туда по утрам... — задумчиво прошептал Буфань. — А теперь никого не осталось.

Лу И сильнее прижал его к себе, словно защищая от нахлынувшей вселенской тоски.

— Главное, что мы с тобой здесь.

Буфань нащупал под меховым одеялом его тёплую руку и слегка сжал её пальцы. На душе скребла тихая, щемящая грусть.

— Да...

Они замолчали, глядя на безмолвный зимний пейзаж за стеклом, пока сон окончательно не сморил их.

На следующее утро Лу И открыл глаза первым. Торопиться было некуда, поэтому он тихо лежал, оберегая сон учителя. Лишь когда Буфань зашевелился и сладко потянулся, юноша бесшумно поднялся, чтобы собрать их скромные пожитки.

Им предстоял долгий путь к городу Тай.

Буфань не спешил покидать тёплую постель. Накинув на плечи пушистую шкуру, он сидел и лениво наблюдал за просыпающимися руинами сквозь стекло, пока его верный спутник деловито упаковывал спальники. Окончательно стряхнув с себя остатки сна, Тан Буфань поднялся на ноги, поёжившись от утренней прохлады.

Погода за окном радовала: вчерашний буран поутих, разогнав тяжёлые тучи. Вернувшись к машине, Буфань почувствовал, что день обещает быть солнечным. Вооружившись самодельным веником из берёзовых веток, он забрался на крышу броневика и принялся счищать наметённые сугробы.

Внизу, в жилом отсеке, Лу И уже хлопотал над нехитрым завтраком. Сначала Буфань хотел попросить его поискать в торговом центре нормальную швабру со щёткой, но, поразмыслив,

решил, что веник из прутьев справляется со своей задачей ничуть не хуже, и выбросил эту мысль из головы.

Как только с уборкой было покончено, небо действительно прояснилось. Плотная серая пелена разорвалась, пропуская первые робкие лучи зимнего солнца. Правда, золотистый свет пролился не на их засыпанный снегом пятачок, а расцветил далёкие вершины полуразрушенных небоскрёбов на горизонте.

Спустившись вниз, Тан Буфань забрался в кабину и устроился на пассажирском сиденье рядом с Лу И — они давно не путешествовали вот так, плечом к плечу.

Мощный двигатель глухо заурчал. Тяжёлые шины броневика с хрустом подмяли под себя наст, и обновлённый автодом плавно покатился прочь из заснеженного Пекина.

Тан Буфань коснулся пальцем мерцающего лобового стекла-экрана, выводя на дисплей навигационную карту с маршрутом до города Тай.

<http://bllate.org/book/19039/2003712>